

— В доме Сюй никогда не держали кошек, и дикие кошки тоже никогда не забегали. Как же так получилось, что именно вчера кошка оказалась в моей комнате?

Скрытый смысл его слов был ясен: кто-то намеренно подбросил кошку в его комнату. И кто бы это мог быть, если не наш второй господин Сюй?

Сюй Цзыя выбирал слова с особой тщательностью, принижая себя и выставляя себя и свою мать, госпожу Линь, в роли беспомощных жертв.

С одной стороны, он оправдывал мать, с другой — выражал негодование за себя и за неё. Самое главное, он противопоставлял свои достоинства недостаткам Сюй Цы, снова втягивая его в эту историю и обвиняя.

Он намеренно вызывал у Сюй Чанцзуна чувство вины и жалости к ним с матерью, а также отвращение к Сюй Цы.

Утверждение, что кошку подбросил Сюй Цы, было чистой воды выдумкой.

Ведь сам он никогда раньше не страдал от аллергии, даже не знал, что у него может быть такая ужасная реакция на кошек. Как же Сюй Цы мог это знать? Он ведь не ясновидящий.

Он сказал это лишь для того, чтобы опорочить Сюй Цы. Они с матерью не только не достигли своей цели, но ещё и попали в неприятную ситуацию. И он не собирался позволять Сюй Цы спокойно наслаждаться этим зрелищем.

Сюй Цы холодно смотрел на Сюй Цзыя. В прошлой жизни, в юности, он действительно делал многое, чтобы привлечь внимание отца, поэтому в детстве он был особенно непослушным и часто попадал в неприятности. Но сейчас ему было всё равно.

Эти перевернутые с ног на голову слова Сюй Цзыя вызвали у него приступ ярости.

Он всегда мстил за обиды, и сейчас его не волновало, что отец стоит рядом, поддерживая Сюй Цзыя.

Он резко встал, подошёл к Сюй Цзыю и сильно пнул его два раза, так что тот едва устоял на ногах, покачиваясь и чуть не упав.

— Первый удар — это расплата за твоё враньё в тот день! — высокомерно произнёс он, глядя сверху вниз на Сюй Цзыя, который крепко прижимал к себе мать. — Второй удар — это предупреждение. Не думай, что я не понял твоих намёков. Твои грязные маленькие интриги раскрыты, но ты не раскаиваешься и снова пытаешься обвинить меня.

— Если продолжишь нести чушь без доказательств, я разорву твой рот! Лучше сделать тебя немым, чем оставлять этот рот, чтобы ты продолжал клеветать и вредить дому Сюй.

— Люди делают, а Небо видит. Ты, старший сын семьи Сюй, лицо дома Сюй. На пять лет старше меня, но ты сделал такое, оклеветав своего десятилетнего брата. Даже Небо не смогло смотреть на это и послало дикую кошку, чтобы наказать тебя. Но ты продолжаешь упрямяться, не раскаиваешься и снова клеветашь на меня.

— Ты говоришь, что у меня есть богатство и статус, которых ты не можешь достичь, но это всё из-за моего деда, лучшего в мире. Но всё это не моё. Я, Сюй Цы, мужчина, разве я должен сидеть сложа руки и пользоваться плодами труда моих предков?

— Тому, чему ты завидуешь, я не придаю значения. Я, Сюй Цы, хоть и молод, и мой характер, как ты говоришь, низок и своенравен. Но я мужчина, и в будущем я обязательно своими усилиями создам своё собственное пространство.

— Ты говоришь, что много работал, но ничего не получил. Ты ошибаешься. У тебя есть отцовская любовь, которой я не могу достичь. Даже когда ты только что признался, что оклеветал меня, отец не ударил тебя, не сказал ни слова! А раньше, когда ситуация была неясна, он избил меня до полусмерти только на основании слов твоей матери!

Эти слова Сюй Цы снова вернули ему контроль над ситуацией, и теперь он выглядел как жертва. Сюй Цзыя уклонялся от ответа, а теперь Сюй Цы заставил его почувствовать стыд.

Как бы красноречив ты ни был, он тоже умеет говорить. Он больше не будет, как в прошлой жизни, подобно раненому зверю, лизать свои раны и бросаться в атаку с криками и насилием.

Отец предпочитает Сюй Цзыя, но теперь ему всё равно.

Те, кто не относится к нему искренне, не заслуживают его искренности.

«Отныне, Сюй Цзыя, живи хорошо со своим лицемерным отцом и ядовитой, как змея, матерью». Он мысленно добавил это.

— Ты говоришь, что станешь спутником наследного принца в учении?! Ты бредишь! Наследный принц выбрал меня, потому что в тот день в толпе стоял я, Сюй Цы, а не старший сын министра Сюй. Спутником принца был я, есть я, и буду я. Даже если в будущем принцу больше не понадобится спутник, рядом с ним для поддержки останусь я, Сюй Цы, а не ты, Сюй Цзыя!

«Эх, принц мой, и все, кто на него глаз положил, катитесь отсюда!»

«Чёрт возьми, этот гнев копился с момента моего возвращения, и наконец я выплеснул его. Как же приятно было всё это высказать!»

Сюй Цы разглагольствовал с большим удовольствием, чувствуя себя освобождённым.

Он уже посмотрелся на это представление, поклонился ещё не пришедшей в себя старой госпоже Сюй и Сюй Чанцзуну, развернулся и ушёл в свою комнату вместе с Нянь Байем и Нянь Сяо.

«Мм, как же приятно. Послеобеденный сон был прерван, пойду досыпать».

Старая госпожа Сюй была женщиной из деревни. Хотя она прожила более десяти лет в роскоши, в глубине души она оставалась простой и доброй, не выдавшей таких городских игр.

Её муж, недолговечный и несчастливый, был ей единственным супругом, не брал ни одной наложницы, и в семье всегда царили мир и гармония, отец был добр, а сын почтителен.

После того как она попала сюда, госпожа Ван была очень почтительна, а госпожа Линь всегда относилась к ней с уважением. Она никогда не видела таких сцен и на мгновение растерялась.

Только после того как Сюй Цы ушёл, она очнулась от своего оцепенения и, нахмурившись, стала уговаривать сына:

— Чанцзун, Цзыя просто на мгновение потерял голову, к счастью, ничего серьёзного не произошло. Но он действительно переступил черту, ты больше не должен быть предвзят. На

этот раз тебе нужно строго наказать Цзя, чтобы успокоить негодование Цыцина. Когда Цыцин снова будет счастлив, мы сможем забыть об этом. Мы же одна семья, какие могут быть долгие обиды?

Она не верила, что идея утопить Цыцина и обвинить его была задумкой госпожи Линь. Они жили вместе больше десяти лет, и госпожа Линь всегда была скромной и вежливой, как она могла сделать что-то, что навредит её собственному ребёнку? Даже зверь не ест своего детёныша!

— Мама, это не то, что можно просто забыть! Они... они... — Сюй Чанцун указывал на обнявшихся госпожу Линь и Сюй Цзя, несколько раз повторил «они», но так и не смог ничего внятного сказать, и в конце концов махнул рукой. — Убирайтесь, идите в свои комнаты и подумайте о своём поведении!

Тот шлепок, который он дал госпоже Линь, был сделан в порыве гнева. Если бы это дошло до ушей императора, его карьера была бы разрушена!

Но теперь, когда его эмоции немного утихли, он вспомнил всё, что происходило между ним и госпожой Линь в прошлом — и сладкое, и горькое.

Госпожа Линь была его прекрасной мечтой молодости. В молодости он любил её так сильно, что пренебрёг учением мудрецов и тайно встречался с ней, обещая вечную любовь. Просто сейчас эта любовь не была так сильна, как его стремление к власти.

Он знал, что был перед ней в долгу. Поэтому в обычное время он относился к ней с большой любовью, а к Цзя — по принципу «любишь меня — люби и моего ребёнка».

Цзя с детства был послушным и усердным в учении, никогда не общался с подозрительными людьми, очень напоминая его самого в молодости. Он полностью посвятил себя учению, и в прошлом году, в возрасте четырнадцати лет, сдал экзамен на звание сюця.

В отличие от Сюй Цы, которого он считал позором семьи Сюй, Сюй Цзя был его гордостью.

Но на этот раз Цзя переступил черту. Он причинил вред своему брату, и это было то, что император ненавидел и чего больше всего опасался.

Братоубийство — это табу для императорской семьи.

К счастью, в тот день он не упомянул императору о том, что заставил Сюй Цы оставаться в своей комнате для размышлений, иначе ему бы не поздоровилось.

Если он сейчас не накажет их должным образом, и это дойдёт до ушей императора, он непременно получит выговор.

И в доме Сюй ему будет трудно завоевать авторитет, а также удержаться на позиции перед своим тестем — богачом Ваном. Он случайно ранил любимого внука богача Вана, и тот непременно снесёт крышу дома Сюй, если не накажет госпожу Линь и Цзя!

К тому времени они испытают гораздо больше страданий и унижений, чем сегодня.

Единственное, что он может сделать сейчас, — это слегка наказать их.

Наказать, чтобы спасти.

Внешне наказание, но на самом деле спасение.

Ночью Сюй Чанцзун тайно пробрался в комнату госпожи Линь и подробно объяснил ей причины своих действий.

Госпожа Линь зависела от Сюй Чанцзуна в плане комфортной жизни, поэтому, когда он вошёл с извиняющимся видом, она уже была готова простить его, хотя внешне этого не показывала.

После долгих уговоров она наконец притворилась, что больше не сердится, и улыбнулась сквозь слёзы.

<http://bllate.org/book/16473/1495669>